

Төтенше жағдай антропологиясы: 1930-1950-жылдардың тарихи оқиғалардың тұрғысында Батыс Сібірдің оңтүстігінің егінші орыс халқының тіршілікті қамтамасыз ету жүйесіндегі балық аулау және балық

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-1-48-66

Щеглова Татьяна Кирилловна

тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік педагогикалық университетінің тарих факультетінің Отан тарихы кафедрасының меңгерушісі, Барнаул, Ресей. E-mail: tk_altai@mail.ru.

Аңдатпа. Зерттеу тақырыбы 1930-50 жж. ауылды түбегейлі қайта құру кезеңінде Батыс Сібірдің оңтүстігіндегі егінші орыс халқының өндіруші кәсіптігінің тәжірибелері болып табылады. Жеке отбасылық егіншілік және мал шаруашылығын жою отбасының тіршілікті қамтамасыз ету жүйесін өзгертіп және отбасылық экономиканы қайта құруды талап етті, бұл тіршілік қарекеті жағдайларының нашарлауына әкелді. Орыс ауыл тұрғындары отбасыларының бейімделуіне, оның шаруашылық-әлеуметтік үрдістеріне өзгерістер әкелген жойқын тарихи оқиғалар – соғыс және қуғын-сүргін жағымсыз әсер етті. Зерттеу деректері болып далалық экспедиция материалдары табылады. Қолданылатын этнографияның әдістері тұрмыстық және кәсіпшілік дәстүрлерін, ауызша тарих әдістері – түбегейлі өзгерістерге қатысушылардың тарихи жадын анықтауға мүмкіндік берді. Сонымен қатар, автор барлық ауыл тұрғындары сияқты, сондай-ақ жекелеген қуғын-сүргінге ұшырағандар категориясының, атап айтқанда тәркіленген және депортацияланғандардың қиыншылықтарды жеңу және күнделікті бейімделу тәжірибелерінің жүйесін зерттеуді көздейтін «төтенше жағдай антропологиясы» түсінігін енгізеді. Жүргізілген зерттеудің мақсаты егінші орыс тұрғындарының тіршілікті қамтамасыз ету жүйесінде балық аулаудың маңызын анықтау болып табылады. Өмір тіршілігінің қиындаған жағдайларында отбасылық экономика құрылымында «асыраушы ландшафтқа» сүйеніп, балық аулау үлесінің артуы туралы қорытындылар жасалынған. Автор кәсіпшілердің жасы және құрамының өзгеруіндегі тенденцияларды анықтайды. Оның себептерінің бірі еңбекке жарамды жастағы халықтың тәулік бойы колхоздық-совхоздық өндірісте қамтылуы болып табылады. Дегенмен, «ересектердің балық аулауы» рөлі отбасын белокты балық өнімімен қамтамасыз етуде басым болып қалады, ал «балалардың балық аулауы» қоғамдық өндірісте жұмыспен қамтылған халықтың тарапынан қамқоршылық болмаған жағдайда балалардың күнкөрісінің күнделікті тәжірибесіне айналады. Автор ауылдың ер адамдардың азаюына қарамастан, ауыл қоғамының балық аулау дәстүрі, тоқылған тұзақтарды (корчактар, мордушкалар, фитилдер, верштер) және аулау жабдықтарының (аулар) пайдалануға дейінгі ежелден – қолмен аулаудан бастап қайықпен түнгі аулау жалғасқанына назар аударады. Сонымен қатар, ересектердің балық аулауында бос уақыттың болмауына және ауланатын балықтың көлемінің аздығына байланысты қармақтар аз пайдаланды. Ересектердің аулау нысандары балықтың «ірі» түрлері – шортандар, лить немесе «қымбат» балықтар – хариустар, налимыр, таймень болды. Балалардың балық аулауына қолдан жасалған құралдарды, тіпті үй киім-кешегін пайдалану, олардың көмегімен таяз су қоймаларында «аулау», сондай-ақ табиғи материалдарды, мысалы қармақ жібі ретінде жылқының қылын пайдаланып, қармақпен аулау сипатты болды. Негізгі табыс ұсақ өзен балықтары – гальяндар, теңгелер болды.

Түйін сөздер: әлеуметтік-мәдени антропология; орыс ауыл халқы; кәсіпшілік бейімделу тәжірибелері; тіршілік қарекетінің қиыншылық жағдайлары; балық аулау; қатысушылар; тәсілдер және балық аулау құралдары

Anthropology of extremality: fishing and fish in life sustaining system of agricultural Russian population of the South of Western Siberia in the context of historical events of the 1930-1950-ths years

Shcheglova Tatiana Kirillovna

Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of National history of the Faculty of History of Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia. E-mail: tk_altai@mail.ru

Abstract. The subject of research is gathering and hunting practices of Russian agricultural population of the South of Western Siberia in the period of cardinal reconstruction of the village in the 1930-50-ths years. Liquidation of individual family farming and cattle breeding changed the life sustaining system and demanded the reconstruction of family economy that was accompanied by deterioration of life conditions. The adaptation of Russian agricultural family was negatively influenced by destructive

historical events correlated with the processes of social-economic changes – the war and repressions. The sources of research were field materials. The methods of ethnography used in the project allowed to reveal household and foraging traditions, methods of oral history - historical memory of participants of cardinal changes. In such case the author introduces the notion of «anthropology of extremality» that supposes the study of the system of overcoming difficulties and everyday adaptation practices of agricultural population as well as certain repressed categories, such as dispossessed and deported. The aim of the conducted research was to reveal the significance of fishing in life sustaining system of Russian agricultural population. The author makes the conclusion that challenging conditions of life sustaining lead to the increase of the share of fishing in the structure of family economy based on «nourishing landscape». The author reveals the tendencies of changing the age and the structure of foraging groups. One of the reasons of that became daily employment of population of working age at collective and state farms. Nevertheless the role of «adult fishing» in providing family with protein fish products remains dominant while «children fishing» becomes everyday practice of children's self-subsistence in conditions of absence of care from the adults employed in social production. The author pays special attention to the fact that in spite of the lack of men in the village the rural communities reproduced the traditions of fishing, from the oldest – hand fishing and night fishing on boats with the help of harpoons to the use of hatched traps (fish pots, cage traps, creels, pods) and net gears (drift nets, drag nets). Besides in the process of «adult fishing» fishing rods were hardly used because of lack of spare time and small amounts of caught fish. The objects of adult fishing were more «fleshy» sorts of fish – pikes, tenches or «expensive» fish – graylings, burbot, taimens. Whereas it was characteristic of children fishing to use hand-made means such as homemade linen or clothes, with the help of which children «seined» in shallow ponds, or fishing pods made of natural materials, for example, horse-hair instead of fishing line. The major catch was small-scale river fish – minnows, gudgeons.

Keywords: sociocultural anthropology; Russian rural population; field adaptation practices; difficult living conditions; fisheries; participants; methods and fishing gear.

Антропология экстремальности: рыболовство и рыба в системе жизнеобеспечения земледельческого русского населения юга Западной Сибири в контексте исторических событий 1930-1950-х гг.

Щеглова Татьяна Кирилловна

доктор исторических наук, зав. кафедрой отечественной истории исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Россия. E-mail: tk_altai@mail.ru.

Аннотация. Предметом исследования являются добывающие промысловые практики русского земледельческого населения юга Западной Сибири в период кардинального переустройства деревни в 1930-50-е гг. Ликвидация единоличного семейного земледелия и скотоводства изменили систему жизнеобеспечения семьи и потребовали перестройки семейной экономики, что сопровождалось ухудшением условий жизнедеятельности. На адаптацию семьи русского сельского населения негативно повлияли разрушительные для нее исторические события, наложившиеся на процессы хозяйственно-социальных перемен – война и репрессии. Источниками исследования являлись материалы полевых экспедиций. Используемые методы этнографии позволили выявить бытовые и промысловые традиции, методы устной истории - историческую память участников кардинальных перемен. При этом автором вводится понятие «антропологии экстремальности», которая предполагает изучение системы преодоления трудностей и адаптационных повседневных практик, как всего сельского населения, так и отдельных репрессированных категорий, таких как раскулаченных и депортированных. Целью проведенного исследования являлось выявление значения рыбной ловли в системе жизнеобеспечения русского земледельческого населения. Сделаны выводы о том, что при затруднительных условиях жизнедеятельности происходит увеличение доли рыболовства в структуре семейной экономики с опорой на «кормящий ландшафт. Автором выявляются тенденции в изменении возраста и состава промысловиков. Одной из причин становится посуточная занятость населения трудоспособного возраста в колхозно-совхозном производстве. Тем не менее роль «взрослой рыбалки» в обеспечении белковым рыбным продуктом семьи остается доминирующей, тогда как «детская рыбалка» становится ежедневной практикой пропитания детей в условиях отсутствия опеки со стороны занятого в общественном производстве населения. Автор обращает внимание на то, что несмотря на «обезмуживание» деревни, сельским обществом воспроизводились традиции рыбной ловли, начиная от самых древних – ловля в ручную и ночные ловли на лодках с помощью острога до использования

плетенных ловушек-западной (корчаги, мордушки, фитили, верши) и сетевых снастей (неводы, бредни). При этом во взрослой рыбной ловле мало использовались удочки из-за отсутствия свободного времени и малых объемов выловленной рыбы. Объектами ловли взрослых являлись более «мясистые» сорта рыбы – щуки, лини или «дорогой» рыбы – хариусы, налимы, таймени. Тогда как для детской рыбалки было характерно использование самодельных средств, вплоть до сводельного домашнего холста и одежды, с помощью которых «неводили» в мелких водоемах, а также использование удочек с использованием природных материалов, например, конского волоса вместо лески. Основной добычей становилась мелкая речная рыба – гальяны, пескари.

Ключевые слова: социокультурная антропология; русское сельское население; промысловые адаптационные практики; затруднительные условия жизнедеятельности; рыболовство; участники; способы и рыболовные снасти.

УДК/UDC 94(571.1)+39(=161.1)

Антропология экстремальности: рыболовство и рыба в системе жизнеобеспечения земледельческого русского населения юга Западной Сибири в контексте исторических событий 1930-1950-х гг.

Т.К. Щеглова

1930-50-е годы в истории являются временем затруднительных условий жизнедеятельности сельского населения. Существовало две группы причин. Первая группа была связана с социалистической модернизацией, которая в корне изменила положение сельской семьи. Модернизация системы единоличного хозяйствования привела к ликвидации базовых отраслей семейной экономики – семейного земледелия и семейного скотоводства, что привело к изменениям в системе жизнеобеспечения семьи и необходимости перестроится в обеспечении ее базовыми компонентами – жилищем, пищей, одеждой в условиях колхозно-совхозного устройства. Изучение традиций и новаций, как в период переустройства земледельческого общества (1930-50-е гг.), так и в период его развития в советских условиях социалистического производства (1950-1980-е гг.), можно выделить в самостоятельное направление исследований в этнологии, социальной и культурной антропологии в русле зарождающейся **«антропологии советскости»**. Под антропологией советскости автор понимает не только формирование культурно-бытовой и ментальной сферы советского общества, но и развитие (адаптация, трансформация и т.д.) традиционных народных культур, как к внутренним вызовам (социалистическая модернизация и советизация), так и к внешним вызовам (глобализация, технизация).

Вторая группа причин неблагоприятных для жизнедеятельности сельской семьи условий в 1930-50-е гг. связана с историческими событиями, выпавшими на этот период, прежде всего Великой Отечественной войной и репрессиями, сопровождавшимися ухудшением жизнеобеспечения населения в ходе принудительных и вынужденных миграций – раскулачивание, депортации, спецпереселения, эвакуации т.д. Для изучения механизмов востребованности традиционной культуры в контексте исторических событий, разрушавших стабильность жизнедеятельности автор вводит понятие **«антропология экстремальности»**, что подразумевает исследование народного опыта в решении вопросов «домоустройства», обеспечения пищей и организации питания, соблюдение жизнесохранительных практик санитарии и гигиены, борьбы с голодом и холодом, а также с эпидемиями, натальными и

жилищными насекомыми, как разносчиками инфекций, способами лечения и народной медицины и другими компонентами жизнеобеспечения в экстремальных/затруднительных/неблагоприятных условиях жизнедеятельности (Щеглова, 2018: 14-22). Антропология экстремальности предполагает, как внимание к всему сельскому обществу, например, сельского общества в военный период или коллективизации, так и отдельных категорий – раскулаченных, репрессированных, депортированных, спецпереселенцев, мигрантов (Щеглова, 2015а: 46-51). Положение этих социумов деревни отличает отсутствие поддержки со стороны государства в организации системы жизнеобеспечения семьи. Поэтому, в поле зрения «антропологии экстремальности» входят те группы, которые оказывались на грани выживания. Это дети и женщины в прифронтовой полосе центральной России вырабатывающие свои жизненные стратегии, это депортируемые семьи в период насильственных переселений в 1939-1949 гг. и др.

Успех адаптации депортантов, спецпереселенцев и других к неблагоприятным условиям во многом определялся навыками традиционной культуры. Это проявляется, например, при сравнении положения и результатов депортации калмыков-скотоводов и немцев-земледельцев (Щеглова, 2008: 345-373). Важное значение приобретает изучение того энокультурного опыта, который был выработан конкретным социумом и в конкретном месте, что позволяет говорить о локальных вариантах этнических культур. Для этого народного опыта в экстремальных условиях был предложен автором термин «народная система преодоления трудностей», базирующаяся на знании и использовании потенциальных возможностей «кормящего ландшафта». При этом для скотоводческих и/или земледельческих культур могли по-разному складываться условия жизнедеятельности под влиянием тех или иных природных условий и хозяйственных традиций в контексте исторических событий, выпавших на этот период. Так для кочевых скотоводческих обществ юга Западной Сибири более неблагоприятными годами стали 1930-е годы, сопровождавшиеся лишением базового компонента традиционной культуры и образа жизни – скота. Для оседлых земледельческих сообществ, лишенных семейного хлебопашества, особенно сложными стали 1940-е годы.

Основным методами исследования являлось сочетание традиционных полевых этнографических методов и источников и материалов и методов устной истории (Oral history). Автор вводит определение информационной среды сельского поселения, которая наряду с материальными памятниками традиционной крестьянской культуры (жилая и хозяйственная архитектура, планировка и застройка сельского поселения, традиции огораживания усадьбы и формирования водных источников и т.п.) представлена исторической памятью об исторических событиях. Первые изучаются методами этнографии, вторые – методами устной истории. Полученные источники сопрягаются с друг с другом, т.к. через поведение людей в тех или иных событиях, их интерпретациях, оценках и представлениях проявляется этническое сознание, национальный характер и менталитет. Таким образом, с помощью устной истории и этнографии фиксируется антропологическое содержание исторических процессов. В этом смысле востребованными оказались и теория С.А. Арутюнова (Культура жизнеобеспечения, 1983) о культуре жизнеобеспечения народов, дополненная автором применительно к изучаемому периоду новыми подходами, и работы историков и этнографов об адаптационных

свойствах традиционной культуры (М.М. Громыко, Н.А. Миненко, О.Н. Шелегина (Шелегина, 2001) и о ее под страхующем значении (Трушкова, 2003).

Полевые исследования показали, что для оседлых земледельческих социумов важным фактором адаптации являлась природная среда окрестностей населенного пункта, которая являлась своеобразной ресурсной базой для строительства жилища или пищевого сырья. В этом смысле зависимость земледельцев от потенциала ближайших территорий была большей в отличие от скотоводов. В наиболее благоприятных условиях оказывались земледельцы с разнообразным ландшафтом окрестных территорий – лесотаежных, долинно-приречных, озерных и других. Разнообразие природных ресурсов создавало населению этих территорий дополнительные источники системы жизнеобеспечения, в т.ч. с помощью добывающих промыслов. Наличие водных источников, знание ягодных, грибных или рыболовных мест, разнообразие флоры и фауны давали большие жизне-сохранительные преимущества сельскому населению. Так наличие рек и озер способствовало развитию рыболовства. Также как знание лесных, таежных, степных охотничьих угодий подстраховывало земледельческое население в неблагоприятные годы и вело к развитию ловчих промыслов и охоты.

Для увеличения значения рыболовства в крестьянской экономике в колхозно-совхозное время благоприятным фактором являлось то, что являлось то речная система, которая как капиллярная сеть покрывала всю территорию юга Западной Сибири, дополнялась системой озер. Но распределялась она неравномерно. В лучших условиях находились предгорные и горные; лесотаежные зоны Алтая и Салаира. На уровне такого региона, как Алтайский край – это восточные и южные территории, как наиболее ранние зоны освоения их земледельческим русским населением. Большинство старинных населенных пунктов, в соответствии с общеславянскими традициями селообразования, создавались в поймах больших реках и их притоков. Л.Н. Гумилев даже говорил о том, что русская культура – это культура пойменных лугов. В глубоководных и горных реках водилась рыба дорогих сортов (хариус, стерлядь, налим и др.), в их притоках и многочисленных речушках – мелкая рыба, которую часто в селах называли сорной (гальяны, пескари, чебаки), в озерах – караси. Респонденты из старинных земледельческих сел в описании «кормящего ландшафта» своей деревни обязательно включают водоемы с описанием видов рыб и способов их ловли. Особенное место занимали многочисленные небольшие притоки полноводных рек, которые в период крестьянских поселений 1860-1910-х гг. буквально были «облеплены» деревнями, селами, выселками, заимками, поселками. Рыбная ловля в них была доступна для всех возрастных категорий. Как говорил респондент Верх-Камышенки Краснощековского района (предгорья), «рыбу ловили в речушках своих. У нас сливались две речушки: так отсюда идет Камышенка, отсюда идет Крутянка, и вот они сливались. И щетки [щуки] были, и пескари были. Вот пескарей мы сильно любили, и окуни, и чебачки...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шабашова Л.Д., 1935 г.р.). Для респондентов, которые в были детьми в рассматриваемое время, реки и речушки становились частью их жизни. Респондент из села Карагайка Красногорского района (предгорья) называет реку Ишу и рыбалку – любимыми «О, это наше любимое дело, тогда речка была рядом, вот выйди, вот он огород, прям рядом бежит. Выбежишь удочку забросил, вот тебе и рыба будет. А Иша любимая наша, туда убегают, там у нас и огород еще был, здесь мало еще жили. Там

прям у самой речки и неводили, и удочками» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Борин М.Г., 1940 г.р.).

Менее благоприятные жизнеобеспечивающие условия были у **степных земледельцев**, которые на столетие позже, чем территории Верхнего Приобья, осваивали Кулундинскую и Барабинскую степи. Населенные пункты, образованные в переселенческий период, также тяготели к водным источникам, но занимали оставшиеся места около малых речушек, проток, щелочных озер и т.п. При уплотнении поселений уже в столыпинский период села формировались на «голом месте». Именно у земледельческого населения этих поселений были самые неблагоприятные условия жизнедеятельности в нестабильные периоды. Оно более было подвержено голоду, холоду и заболеваниям.

К этому выводу приводит и сравнение видового многообразия рыб в водоемах тех или иных природных зонах. В степных и лесостепных реках и речушках водились, как говорят респонденты, «костлявые» сорта рыб – «чуба¹, окунь, щука, ерш». (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Васютин И.А., 1928 г.р.). Или как говорят респонденты, «щучки, карась, чебак, бетюри, окуни, простая обыкновенная рыба... Бетюри тогда были, под вид чебака. Только он знаешь... у него вроде мясо лучше мягче, сейчас то их не стало бетюря. Редко, редко попадаются, но мало сейчас. Куда-то вывелись, бетюри. Сейчас не стало» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ерогова А.А., 1938 г.р.). В предгорных, таежных и горных холодных водоемах были дорогие и разнообразные сорта рыбы, как сказала респондент, «там богато» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Яковлева Л.А., 1930 г.р.). Вот как описывается респондентом рыба в горных озерах: «На Телецком рыба всякая. Мульки, «селедка», хайрус, налим – это во время войны ели. Её хорошо доставать. А так-то в Телецком и тельмень, и хайрус, и сшулки. Как говортся, не поймашь» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Яковлева Л.А., 1930 г.р.).

Исторически рыболовство в традиционном хозяйстве оседлой земледельческой семьи не играло ведущей роли. А в крестьянской семейной экономике рыбная ловля в силу преобладания земледельческого производства, имевшего очень короткий производственный цикл, с конца мая до конца сентября, т.е. от силы 4 месяца из 12 (у европейского земледельца, наоборот, 8-7 месяцев из 12) и требующего колоссального напряжения и больших физических затрат, находилась на периферии семейной трудовой жизни. Однако в процессе перевода крестьян с единоличного на колхозно-совхозное производство, лишившего семью семейного земледелия и ограничившего семейное скотоводство, домашнее рыболовство стало важнейшим источником белковой пищи для сельской семьи. Особенно его доля в семейной системе жизнеобеспечения увеличилась в годы войны, т.к. «хлеба в колхозе выдавали строго по весу на членов семьи. Конечно, его не хватало, и на еду шло все, что росло, летало и бегало» (Сборник воспоминаний). Более того, оно приобрело жизнесохранительное значение, т.к. по словам З.Н. Аксеновой (1930 г.р.), «чем-то надо было питаться, чем-то надо было жить. Тяжелая жизнь была. Тридцатый год вообще попал, времена тяжелые были. Там (Ельцовский район – Предсалаирье) рыбы много – карась. Озера хороши там... Которые старички были, так вот они ловили... Ну а, мы

¹ Чуба – так называли рыбу голавль, стайная речную рыбу, семейства карповых с красными плавниками. В Сибири встречалась редко.

молодняк [дошкольники, девочки] не ловил... Старики. Маленькие у кого братовья,-они ходили.» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Аксенова З.Н., 1936 г.р.).

Распространению рыболовства в крестьянских семьях в 1930-50-е гг. способствовало то, что в отличие от других добывающих промыслов, таких как охота, домашняя рыбалка отличалась большей степенью доступности для разных поколений семьи, простотой орудий и способов ловли. Благодаря этому ловля рыбы превратилась в 1930-50-е годы в повседневные адаптационные семейные практики земледельческого населения и вышла, наряду с собирательством (Щеглова, 2015b), на первое место среди жизнесохранительных промыслов. Этому способствовали биоресурсы юга Западной Сибири, которые несомненно были богаче в прошлом. Как оценивали респонденты, «Ловили. Рыбы много было тогда. Щуки были, налимы, чебак, битюри... Придешь, ведра два рыбы сразу. Тогда реки были другие, сейчас они позаросли все» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Рябоконеv И.В., 1934 г.р.), «сейчас какая там рыбка? Костлявая. Ну, меньше стало рыбы. Вообще меньше» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Васютин И.А., 1928 г.р.).

Другим преимуществом рыбалки была относительная свобода на фоне многочисленных запретов (на «колоски», на строительный лес и валежник) и ограничений (сбор ягод на лугах и опушках, на заготовку дров и т.д.). Рыбалка не регламентировалась, была доступна и детям, и нетрудоспособным членам семьи. А в отличие от охоты, она была более безопасна.

Состав участников и традиции рыбалки были детерминированы возможностями «кормящего ландшафта» и составом семьи. Эти два фактора сопрягались между собой. В 1930-50-е гг. состав семьи изменился под влиянием репрессий и войн, как говорят респонденты, деревня «обезмужичила», что повлияло на традиции ловли рыбы. Особенно на традиции рыбалки в полноводных водоемах и реках со стремниной. Например, в горных реках Алтая, таких как Чарыш, Алей, Бия, Катунь, Песчанная или Салаира – Чумыш и его притоки сохранялась традиционная ловля «дорогих» рыб, таких, как таймень, хариус, налим. В отличие от озер и равнинных рек рыболовство на них требовало особых навыков и им занимались мужчины трудоспособного возраста, а в 1930-50-е годы, в следствии сокращения числа мужчин в семьях, в основном рыбной ловлей на больших реках занимались старики. Респондент так описывает ситуацию в сельском обществе 1930-50-х гг.: «Дед мой [рыбачил]... И много стариков было. Штук пять, ли шесть ли этих взрослых мужчин. Станут рядом. Много рыбы было... Ну, харюс... нельвих, таймень большущий был. Мы с сестрой, мы двойняшки были; они пока рыбачат, мы придем, они там уже тайменя большого поймают. Он нам завалит его на плечо, мы отнесем домой... Как палку, вдвоем. Придем, они уже опять поймали» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Бормотова А.И., 1930 г.р.). В целом эта ситуация отражала тенденции в других отраслях семейной экономики (огородничество, собирательство, охота и др.). Поэтому, как ранее указывала автор, преимущества в экстремальных условиях имели семьи, в которых были представители поколения дедов – бабушки и дедушки.

На равнинных реках и озерах основными участниками рыбной ловли в эти годы стали дети школьного и подросткового возраста. Контент-анализ устных свидетельств показывает преобладание возраста с 9 до 13-14 лет: «рыбачили. Вот, которые парнишки – те рыбачили. А девчонки траву только всю таскали, да ягоду. Во время войны парнишки-то рыбачат. Если у кого есть свои, там мы ели, а кого нету своих рыбаков – то уже ничего не поедят» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Яковлева Л.А., 1930 г.р.). Зоной детского рыбного

промысла становились небольшие водоемы с соответствующим видовым набором рыб, даже при наличии в окрестностях полноводных рек. Респонденты осознанно делят рыбные ловли на зоны взрослого и детского рыболовства. Так в горном селе Усть-Чагырка зоной детской рыбалки была небольшая речка, которая протекала через село. Рядом располагался приток Чарыша – река Иня. И если на Чарыше и Ине ловлей крупной рыбы – тайменя, налима – занимались и дед, и свекор, и отец респондентки, то в малых реках и речушках водились «чебак и пескари...», которые являлись объектом рыбалки других членов ее семьи – от детей до бабушек. Вот как она об этом вспоминает, «в основном ловили [сами]... Вот прямо, прямо вот тут, рядом. Чигирка у нас есть. Ну, вот Чигирка бежит...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Бормотова А.И., 1930 г.р.).

Кроме «обезмуживания» земледельческой семьи фактором увеличения в рыболовстве мальчиков являлась посуточная задействованность взрослого населения на колхозно-совхозных работах с ранней весны до поздней осени. Как говорят респонденты, «если может кто [рыбачил], да некогда было. Некогда было рыбалкой-то заниматься. Ну, потом, когда братья вот подросли Ну побегут, маленькие... Ну чё они там? Гольянчиков наловят. Некому было рыбой [заниматься]» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шарова В.Г., 1935 г.р.). В отсутствие взрослого населения трудоспособного возраста основными «добытчиками» становились подростки, а семьи, где было много мальчиков, оказывались более устойчивыми в экстремальных условиях. Вот как об этом говорит респондент, «рыбу у нас ловили, мы не покупали, потому что сродные братовья [так называли детей от родных сестер или братьев], много братовей. Мать пойдет по сестрам [у которых были сыновья] – то 2-3- рыбины принесет» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Яковлева Л.А., 1930 г.р.).

Действительно, сезон массового лова рыбы совпадал с сельскохозяйственным циклом работ. В период массовых сельхозработ, когда каждый день был рабочим, отлучение на рыбалку рассматривалось как прогул. В колхозах, например, устанавливался штраф в виде дополнительных трудодней – до 5 дней бесплатной работы. Супруги Подколзины рассказывали про односельчанина – заядлого рыбака, который регулярно попадал под наказание – дополнительные трудодни, т.е. дополнительные рабочие дни без оплаты труда: «Обогрелов дядя Анисий. Он заядлый был на окуня сидеть. Ну, и в выходной пошел, разве что какой-то праздник был. Окуня поймал. Назад идет... От правления колхоза стоят [на улице]. Председатель говорит: «Обогрелов, тебе не стыдно? Ты на речке в воду смотрел целый день. На муху, на муху рыбку обманывал. Пять трудодней штрафу» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Подколзин Г.Б., 1935 г.р.). А за трудодень надо день вкалывать. Пять трудодней, в выходной день. Выходных в колхозе не было». Поэтому в 1930-50-е гг. взрослое сельское население в летнее время не занималось рыбалкой. Более того, по мере «обезмуживания» деревни в разряд полноценного трудоспособного населения переходили и подростки, и мальчики школьного возраста. Их вовлекали в общественное производство наряду с женщинами, особенно в период войны. Именно поэтому в семье Подколзиных, где было достаточно мальчишек, только «братик младший... любил рыбачить [фитилями]. Он занимался этим. А тем-то братьям некогда было... Все были заняты работой... С утра уже бежит сторожиха, с конторы стучит: «На работу давайте!»... Вот суета была... Рыбой прям пахло [на заливных луга, где они ставили сено]», но отвлекаться на рыбалку они [братья] не могли». И в других колхозно-совхозных семьях «некогда было рыбачить-то Какая там рыбалка?

Работали все, работой заняты были... Война эта все и перепортила. Всех: кто-куда... как-чего» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Крапчатова Т.Г., 1930 г.р.).

Более того, в экстремальных условиях в 1930-50-е гг. рыбалкой стали заниматься не только мальчишки, но и девочки. По словам Г.П. Кондрашовой, «мы, младшие, у меня ровесники были среди этих немцев [дети депортированных], мы ловили рыбу. Благо тогда рыбы было у нас в речке полно! И щуки, и лини, и окуни, и чебаки, и пескари – ну всякой рыбы было много! И мы с удовольствием или бреднем, или удочкой ловили ее вместе с этими немецкими ребятишками» Алтайская деревня, 2012: 181). Отличием детской рыбалки, было то, что она не превратилась в заготовительные промыслы, а служила способом обеспечения разового семейного питания.

Вместе с тем, как показали полевые исследования, сельское население использовало в 1930-50-е годы традиционные орудия и способы ловли, сформировавшиеся в предшествующий период крестьянствования. Среди них традиционные плетенные из древесного сырья (прутья, лоза) орудия-ловушки, устанавливаемые в местах прохода рыбы. Это фитиля, верши, мордушки, корчажки (кортяшки) и другие. А также для лова рыбы вброд или с помощью перегораживания мест скопления рыбы, использовались плетенные или тканые орудия ловли – это сети, невода, бредни, саки и другие.

Первая группа, плетенные орудия-ловушки изготавливали из гибких стеблей приречного кустарника сами рыбаки. Их установка была довольно проста – «туда заносишь в воду. Проволоку на берегу воткнешь, чтоб в воду не унесло. Придешь за проволоку вытащишь ее. А с конца дыра такая, затыкаешь» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Рябоконева И.В., 1934 г.р.). Но успех зависел от правильного подбора места для установки ловушки со скоплением рыбы или в местах ее прохода. Вот как рассказывали о старом рыбаке в военной деревне – деду Трофиме, как он устанавливал самодельные корчажки, зная эти места: ««Вот камни по речки, там каменистая местность была, там рыбы было много и он дед то в этих камнях корчажки, и ставил, к нему всегда ходили рыбу покупать, рыбак был. Где поглубже, но опять надо места выбирать они рыбаки то знаю где она рыба то, она ведь не везде попадает, где-то хорошо идет, а где-то нет по местам. Ну, вот у него там каменистое место и как-то шибко там много рыбы то было, он там ставил. Он сам жил на берегу реки той» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ерогова А.А., 1938 г.р.) Но для получения большого улова для установки ловушек не только выбирали, но и формировали узкие проходы, в Красногорском районе их называли «заездок» или «залески». Вот как описывает М.Г. Борин, 1940 г.р., «перегораживать где-нибудь ручей бежит какой. Перегородят его – заездок назывался. Оставляют такой промежуток, туда она зайдет, а оттуда она уже не выйдет. Так вот перегораживали ее [Ишу], вот эту [верши] ставили... Где вот переборы на Ишах [река Иши]. Вот этот перебор. Вот эти залески сделали. И вот эту ставят [верши, мордушку]. И все. И ловили всяко вот рыбу, всяко приспособивались, кто как» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Борин М.Г., 1940 г.р.).

Материалы экспедиций позволяют реконструировать виды ловушек. Однако они показывают, что ловушками называют самые разнообразные орудия лова, основанные на принципе «легко войти – трудно выйти». Конструкции, размеры, способы установки очень разнятся, нередко одна и та же ловушка в разных местностях называется по-разному и наоборот – под одним названием известны совершенно разные снасти. Фитиль из тальника (современные фитили делаются из сетки и он ничем не отличается от мережи) описывал Г.Б.Подколотин, «Он конусом сделанный. Как горшком

она сделана. Прутики тоненькие. Тоненькие прутики. Чаща она называлась. Вот. Тогда еще набросаешь [примака], а она, рыба, заходит. Туда попадет – а обратно – не выскочит» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Подколзин Г.Б., 1935 г.р.). И.В. Рябоконеv так описывал изготовление мордушки: «Плели морды, так они назывались... В прутья плели. Путья потолще мизинца, и морды такие, заход делаешь, сплетаешь. Туда залазит [рыба]. Обратно не видит, в дырку попадет. С проволоки потом начали [делать], когда появилась алюминиевая проволока. В воду бросишь прямо, туда хлеб или что-нибудь такое съедобное, чтобы лезли поест» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Рябоконеv И.В., 1934 г.р.). Разница просматривалась больше в форме – фитиль укнучом, морда – квадратная или рукавом. По такому же принципу изготавливали верши. И.А. Васютин так описывал, «Большая такая. Круглая. С входом тоже. Называется Верша» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Васютин И.А., 1928 г.р.). Верша, как вид рыболовной снасти изготавливался также из ивовых прутьев. Также Он имел каркасную конструкцию, как фитиль, сходящийся на конус, чтобы рыба, заплыв, не могла развернуться.

Таким образом, различить в описании рыбаков мордушку, верши, корчажку или фитиль весьма сложно. Вот как объяснял разницу мордушки, «кортяшки» и вершей И.А. Васютин, 1928 г.р. «Я ловил на мордушку. Мордушка, такая из прутьев сплетенная. Тальник. Заход там. Конусом. Вешали вот так вот. Квадрат такая, мордушка. И кортяшки [корчага]. Ну сплетенная кортяшка. Из прутьев же опять. Круглая и заход. Верши – большие, круглые. Ну приманкой ее [рыбу] туда» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Васютин И.А., 1928 г.р.). Технология изготовления корчажек мало отличалась от предыдущих рыбацких снастей. А.А. Ерогозова описывала ловлю корчажками своего односельчанина деда Трофима, «у него там стояли корчажки рыбу ловил... Это знаешь из прутьев, из таловых прутьев плетут,... Отсюда вроде как дырка туда, чтобы рыба заходила. А оттуда, наоборот, туда вьем, чтобы она не выходила. И вот она туда зайдет, а оттуда она уж выйти не может. А тут это заткнутая, потом эту дыру оттыкаешь рыбу вываливаешь». Все виды этих ловушек использовались для ловли рыбы в домашних условиях, и до сих пор используются, когда никаких других снастей под руками нет» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ерогова А.А., 1938 г.р.).

Вторую группу рыбацких снастей составляли сетевые рыболовные снасти, для изготовления которой использовали нить. На юге Западной Сибири зафиксированы разные названия – невод, бредни (бродни), саки, сети с наметкой. В 1930-50-е годы их использование сдерживало отсутствие качественного сырья для изготовления сетки – нитей. В отсутствии фабричных нитей их изготовлением занимались женщины. Например, П.К. Аношкина (1926 г. р.): «...сама сети вязала, сама садила их. У нас рыбы много было. Я уже, когда они [дети] укладутся, я пойду, поставлю сети». Обычно она ставила сети с вечера, и сама проверяла их на следующее утро в ранние часы. Она так об этом рассказывала: «А утром разденуся [на берегу], стою, стою [в воде по поясу]. Хоп, как сяду, искупнуся, тогда поплыву на ту сторону речки, отвяжу эту сеть и притяну, и рыба, пожалуйста, есть...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Аношкина П.К., 1926 г.р.).

Кустарное изготовление не способствовало качеству сырья. М.Д. Подколзина говорила: «А так вот невод свяжут ... Или сеть, из простых ниток. Она день постоит [в воде] и сгнила. Капрона-то не было. Вязали. День постоит, два и все выбросили» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Подколзин Г.Б., 1935 г.р.). Для увеличения срока годности зафиксированы случаи просмаливания сетки

невода или сака. Наиболее прочной считалась льняная нить. В 1930-40-е годы почти в каждой крестьянской семье еще сохранялось домашнее ткачество и стояли станы (кросны). Однако при ликвидации единоличного крестьянского хозяйства из семейного полеводства ушел лен, осталась только конопля, для которой достаточно было небольших площадей огорода. Сети готовили из оставшихся запасов льна. Респондентки вспоминали, «нитки пряли. Вот этот вот лен сеяли, потом его вот так возьму... лен от шкуры отделяют [мнут], а потом прядут. Прялка, веретно. А тут привяза куделина льяная, и потом вот так прядут. Вот таку нитку. И такая тоненькая. Толстая на веревки идет, а тоненькая на такие [сети] идет. Все приспособления старые. Это сейчас идем в магазин - возьми тюрючок.» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Яковлева Л.А., 1930 г.р.). По этой причине лишь в 1960-70-е гг. с появлением капроновой нити для изготовления сетки, а затем и фабричных снастей, рыбалка с установкой сетей или использованием бредней для ловли рыбы стала широко распространяться в среде сельского населения. До этого времени сети и с крупной, и с мелкой клеткой плели вручную. Л.А. Яковлева (1930 г.р.) так описывала свой труд по изготовлению сетевой основы невода, «сетями ловили. Вяжут их, сети. Вот. Я вязала. Вот такие вот чеки – это для мелкой рыбы. А для крупной – вот такие. Нитка вот такая, и иголка. Наматываешь и плашечка такая. И на этой плашечкой и чеки там и делаешь. Не умеешь, так и не делаешь. Но раз на озере жили – делали. Рыбой питались. Ну конечно, надо, как говорится, все уметь. А не умеешь – будешь пучку 2 одну есть» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Яковлева Л.А., 1930 г.р.).

Сетка, используемая для неводов, саков, бредней сетка имела разную величину клетку – мелкую, крупную, среднюю. С помощью размеров регулировался отбор рыбы взрослой и мальков или регулировался сортовой отбор, когда через крупную сетку проскальзывали гальяны и пескари, а окуни и караси оставались. Поэтому в рассматриваемое время самодельные сети делали с разными размерами клетки. Как описывал М.Г.Борин, «А как неводили? Ну как? Были [сети], специально ткали, вернее не ткали, а вязали из льна, из ниток. Вяжут, нитки были. Свяжут. Всякие ячейки были, маленькие или большая ячейки. Всякие были, чтобы только средняя оставалась. Вот его свяжут, он метров пять, шесть длиной, осадка метра два [шириной]. Вот такой, невод такой. Под вид неводка» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Борин М.Г., 1940 г.р.).

В отличие от мордушек ловля сетями оставалась сферой взрослого населения, т.к. независимо от способов их использования, ставные, донные или другие сети, требовались достаточной физической силы. Поэтому в отличие от ловли с помощью ивовых ловушек-западней, рыбалка с помощью сетевых снастей оставалась сферой старшего поколения сельской семьи – полупрофессиональной сферой. Одними из распространенных разновидностей сетевых снастей были «сети с наметкой» и саки. Респонденты так ее описывали, «она [сеть] как ковш связана. Шест найдешь, её на шест, закидываешь и вытаскиваешь. Я один раз поймала щуку и справиться с ней не могу. Мне ладно пацан помог» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шевелёва З.И. 1929 г.р.). А.А. Лебедева (1926 г.р.) рассказывала, как она с помощью сака ловила рыбу на реке Каменке «Сачки были или как их называют... Большие такие – саки. Называли сакать рыбу. Сак. Из ниток же сплетенное, как сетка. Вот такими саками сакали рыбу. Хорошо ловилась. Закинут сак и рыба

² Сибирский борщевик

попадалась» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лебедева А.А. 1926 г.р.).

Как известно, данные рыбацкие приспособления относятся к одним из наиболее уловистых видов именно по вылову крупной по размеру рыбы на глубоководье и в омуте. В традиционном типе для снасти за основу брался сетевой мешок (мотня), шест-рукоять и каркасная часть. Именно так их и описывают респонденты в сравнении – сеть с наметкой и сеть в неводе: «Наметка, знаешь плетеная... Как сачок только большая и на длинной ручке. Невод опять же такой плетенный. Только он [в отличие от сети с наметкой] как палатка – большой, длинный. Вот идешь с двух сторон [невод имел два шеста между которыми растягивалась сеть]. И он – только надо по реке идти. Намёткой по берегу [идешь один], а с неводом надо по речке [идти вдвоем]. С одной стороны, палка и с другой стороны палка, а внизу там грузила, чтобы она [сеть] там по земле шел. Вот это самое и есть невод. А наметка это вот с длинной, длинной ручкой [сетка] – по берегу идешь, наподобие сачка – только она большая» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ерогова А.А., 1938 г.р.). В других сельских обществах такое приспособление называли саком. По словам Л.Д. Шабашовой, в ее семье «Саком ловили. Это сачок такой большой, большой сачок, это ловили взрослые люди» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шабашова Л.Д., 1935 г.р.).

Объединяла сети с наметкой, невода и бредни технология использования – их не устанавливали в тех или иных местах, а использовали в движении. Вот как описывает ловлю бреднем И.В. Рябоконева, который рыбачил еще подростком участвовал: «Бредень? Нитки капроновые в сети вязали. Как сеть, только примерно такой высоты от пола, и снизу грузила, и метра три-четыре, сколько надо было тебе. Сверху поплавки деревянные, а снизу грузила - гайки железные на веревочках. И вот бреднями называли. Трое надо [для ловли рыбы], но можно и двое, но мало поймает. Спускаемся в воду, около берегов идем... Слезть, чтобы не такой крутой берег был. Но это уже места [рыбные], все рыбачили, и знают. Если трое, то двое бредень ведут, палки-шесты длинные. Вот разведешь [шесты], а третий зарядит [зайдет] в воду и там булькает [пугает], чтобы рыба не уходила [от бредня]. Старший по дну палку ведет, а сверху поплавки... Третий спереди бредет примерно метров за 40-50... Лазит и булькает. Потом было местечко, чтобы был пологий берег, завернешь вот так раз. И мы к нему подходим недалеко, поворачиваем на него с [бреднем]. Четверо бывают. Один рыбу таскает. Бывает, поймает 2-3 ведра. Один таскает, другой пугает рыбу, а двое ведут» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Рябоконева И.В., 1934 г.р.).

Аналогом бредней был невод. Отсюда распространение на юге Западной Сибири получило название рыбной ловли с помощью невода – «неводить». При этом именно ловля сетевыми снастями носила заготовительный характер, когда семья получала реально большое количество рыбы на длительный промежуток времени. Тогда как ловля с помощью ловушек-западных чаще обеспечивала суточный объем для повседневного пропитания. Преимущества ловушек состояли в доступности технологий детям и подросткам и не требовали много времени и отрыва от производства – вечером поставил, утром проверил. Но для сельской семьи рыболовство становилось промыслом только при использовании сетевых снастей. М.Г. Борин так рассказывал «Насаживают палки, «костыли» с краев. Там внизу, там наделают грузилы, чтобы по земле, по дну то шло. А здесь [сверху] поплавки деревянные сделаны... Поплавки и вот низ, это который так вот захватываешь, ведешь. Один [человек, который держит шест] возле берега [идет], другой вглубь

заходит». Обычно для ловли бредом или неводом использовали заводи, которых особенно много образовывалось после весеннего разлива рек или около берегов, где река делает поворот, в местах омутов. Михаил Григорьевич так и говорил, «и вот заходишь в тихое место, где затончик какой-нибудь. Вот так тихонько заходишь, заходишь, и ловится рыбка. Когда большая вода, вот прибывать начнет, от дождей..., тогда по пескам, по пескам выходишь. Щука обычно возле песков, ловится хорошо. Всякое время, и осенью ловили, ходили тоже, осенью в сапогах, холодно, вода холодная. Вот и ходишь на мелководе. Как зайдешь в затончик, раз, она обычно собирается на переборах, вот особенно там, витюй, налим» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Борин М.Г., 1940 г.р.).

Использовались и ставные сети, в частности по реке Чумыш. Об этом вспоминает И.К. Деулин «по Чумышу... плотина. Рыбаки када-то делали. Колья набьют, а потом значит сети ставят [...]. Перегораживают плотину [...].» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Деулин И.К., 1930 г.р.).

Интересным открытием в полевых исследованиях являлось использование более древних способов ловли – ловля рыбы руками и с помощью поражающих рыбу заостренных орудий в виде копья (острики), с и ловля в ночное время, когда рыба застывает в одном положении недалеко от поверхности воды. При освещении ее хорошо было видно. Последний способ ловли рыбы был описан во второй половине XIX века на Алтае многими путешествующими исследователями – Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым. Он требовал наличие лодок, которые имелись в крестьянских селах, расположенных около водоемов. Описанный способ в XIX веке практически не отличался от середины XX столетия: «А зимой, не зимою, а вот осенью, когда уже перед заморозками такая вода установится, чистая, тогда, весной то она мутнее намного была, чистая, вот в заводи или возле кустов [рыбачили]. Плавали на лодках – лучили, называлось. Зажигали... факелы. Делали из пакли, наматывали, из дегтя [пропитывали], поджигали, чтобы освещать. А ночью, она же рыба стоит, вот где-нибудь в кустах, тихих местах. И делали острики – железная такая была. Трехрожка такая, и с жабрами. Вот так вот и на палке. Кто ведет лодку, плывет, а я сiju караулю, с этой с остройгой. Вот щуку я увидал. Ее [острик] раз, воткнул ее и она уже не сорвется, потому здесь жабры есть. Все, жирная» Ага! Вытаскивай, поймали, вот. Опять плывешь, на другое место плывешь, опять смотришь, кружишь вот так по нему [заводи, омуту]» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Борин М.Г., 1940 г.р.).

Ручную рыбалку, также относящуюся к одному из древних видов, описал И.К. Деулин, который ловил рыбу с помощью петель из конского волоса: «Это во время войны. Я утречком посмотрю, значит, эти окуни, щуки играют. Значит вот и вот они наедятся и где-то через час становятся вот так вот, над поверхностью [воды]. Вот так вот примерно на этой глубине. Вот это удилице,... волосяная петля. Значит вот так вот к мордочке [щуки] подводишь, зацепил, и есть, вытаскиваешь. Прямо за петлю. С этого, с конского хвоста,... тада ничего не было. Вот петлём и заводишь, шобы зажать, не сорвалось [...] – всё [поймалась]. Вот таких вот щук, их несколько штук... Себе скоко, и бабушкам [...], и старикам, что есть [кушать] дали» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Деулин И.К., 1930 г.р.).

Контент-анализ материалов интервью показывает, что промысловыми навыками рыбалки, прежде всего, обладало сельское население в приречных долинах ведущих рек и их притоков, а используемые снасти определялись характером течения и наличием рыбы. И.К. Деулин объяснял семейные навыки ловли рыбы расположением их деревни на реке Чулым – притоке

реки Оби: «Здесь север Кемеровской области, там есть река Чулым, Чулым приток Оби, вот на этом Чулыме были сёла Я рыбачил. Вот у нас село было... по краю курьи, это Чулым. Он вот так вот идёт... вот эти курьи образовывались. У нас курья 10 км от Кача. Здесь мы и сами рыбачили ребятишки и щук на живца ловили, и на червячка рыбачили всё» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Деулин И.К., 1930 г.р.).

Наряду с плетеными ловушками и сетями в 1930-50-е гг. использовались удочки. Но их распространение сдерживал ряд факторов. Среди них на первом месте стояла низкая эффективность, на втором – большие затраты времени для высиживания рыбы. У взрослых членов семьи в эти годы целью рыболовства являлась добыча рыбы для семьи в больших объемах. Поэтому вариант рыбной ловли с удочкой им не подходил. Как говорил И.А. Васютин, 1928 г.р., «удочки раньше были. Но это, сидеть надо. А это, пошел утром, забрал [из мордушки] и ешь» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Васютин И.А., 1928 г.р.).

Как правило, ловлей рыбы с удочкой в эти годы занимались дети и подростки. Главной проблемой в этом случае, как и при других способах ловли, было отсутствие сырья для изготовления удочки. Как говорили респонденты, «А чем ловить?! Жилки не было. Удочки не было. Ни крючков, ничего. Дак у нас все рыбачили, только нечем было рыбачить. А рыбы было... Уууу.» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Подколзин Г.Б., 1935 г.р.). Полевые исследования показали, что преобладали самодельные рыболовные снасти, в случае с удочками – это самодельные крючки и лески. Респонденты вспоминали «старика, которые пожалеют, сделают нам какие-то удочки [...], мальчишки наловят». Крючки, по свидетельству респондентов, изготавливали из иголок или булавок: «Сами делали [крючки] с иголок. Ушко сделаешь, загнешь. Нагреешь иголку, а она вот так ломается... На лампе можно [нагреть] и загнешь.... Железкой, зажимаешь и гнешь. Вот такой кругленький кончик, как на удочке загнут кругленьким. И кольца, и ушко загнешь» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Рябоконеv И.В., 1934 г.р.). А «леску, по-моему, из льна нитку пряли и делали лески» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лебедева А.А. 1926 г.р.). О самотканых нитках вспоминал и М.Г.Борин, «лесок мало было, эти ниточные делали, из белой нитки, из белых ниток, привязывали, грузилки делали и закидывали». Кроме льняной нити для лески использовался конский волос, «привязывали на конский волос. Волос связывали. Его выдергиваешь из хвоста – длинные. Вот его свяжут и на его рыбачили. А потом леска пошла» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Борин М.Г., 1940 г.р.).

По мере включения в рыбалку с удочкой взрослых мужчин стали меняться и снасти. Сначала появилась удочка, которую называли «жарлица», с которой **ней** рыбачили на хищную рыбу, используя в качестве приманки рыбную мелочь. Как рассказывал М.Г. Борин, «Блесен не было еще тогда. Жарлицы закидывали. Жарлица, это большая удочка... Ловят там, ерша поймаешь. Потом нанизывают его [на крючок], бросают. Она [рыба] идет, налим или щука. И вот это называется жарлица. – удочки железные... По первости делали из железок, изогнешь там, сам по себе. А че? Этой жабры то нету, они [рыба] срываются» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Борин М.Г., 1940 г.р.).

Наконец, особенностью домашних рыбных промыслов этого времени стало включение самых младших категорий сельской семьи, для которых рыбалка являлась жизнесохранительной практикой и отличалась использованием подручных средств ловли рыбы в доступных водоемах. Дети дошкольного и младшего школьного возраста проявляли изобретательность в стратегиях выживания. Одним из средств лова рыбы было приспособление сита или решеток. Л.Д. Шабашова вместе с братьями, сестрами и

соседскими детьми сооружали «приспособы» из решеток следующим образом: «Мы, ребяташки, как ловили: вот какая-нибудь решетка... края у нее вот так загнули. Вот веревочка. Да, и веревочек не было-то ни хрена. Палку сюда прикрепили. Кусочек жмыха [в решетку]... Вот этот кусочек жмыха отпустишь в реку на решетке, и сидишь, любуешься. Вот они, мелкие, понаплыли сюда. Этот [жмых] поест. А мы их раз, и собрали. Все мы это съедали, все это было добротнo. И жарили, и просто так посолим, она [рыба] высохнет – и ели, хрустит на зубах. Варили... Все придумывали» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шабашова Л.Д., 1935 г.р.). А З.И. Сулова использовала сито для просеивания муки: «В камыш [ставишь], сито вот это, муку сеять. 4 верёвочки и камень туда положишь. И чё-нибудь туда, картошки, хлеба где ты возьмёшь. Картошки чуть-чуть у бабушки украдёшь. И вот туда положишь. Они туда налезут и потихоничка [тянешь]. И полный содок беленьких таких [бычки]. И бежишь: «Мама старая давай нам скорее чугуночку, сковородку» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Сулова З.И., 1932 г.р.).

Одним из способов ловли мелкой рыбы детьми являлось сооружение запруд. Оригинальный способ описан М.Н. Калаевой (1931 г.р.) «Рыба у нас всегда была. Мы жили – речка, а к речке – огороды. И эти плетневые [щиты]... из лозы наплетем [...]. У нас такие были, как ограды. И мы возьмем[...] яму выкопаем в огороде. Плетень подымим. Придешь, смотришь, а там рыбки. И мы раз закрыли этот плетень[.]» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Калаева М.Н., 1931 г.р.). Запруды часто сооружали в реках во время их разлива. В таком случае при отливе воды рыба доставалась детям. Участники запруд вспоминали, что «где попало не делали, а делали в заводи, а потом огораживали их и воду спускали, а рыба останется... насобирали её и ели. [...]» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Терещенко В.С., 1930 г.р.). Крупную рыбу ловили вручную «Вот за рекой жили, налимы. Лезишь, лезишь и раз его руками ловили» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Сулова З.И., 1932 г.р.).

Но наиболее распространенной практикой была ловля рыбы с использованием ткани, которой как неводом собирали по дну мелкую рыбешку. О схожести технологии неводить броднем и «тряпкой» рассказывала М.И. Лебедева, 1930 г.р. «Рыбу-то и мы ходили, ловили на речке тряпкой, в детстве. Ну, тряпку затянешь, там человек тут человек [растягивают тряпку]. По мелкой речке идешь. мелкая рыбешка и попадает. Но все равно мы ее не выбрасывали, а готовили. Вот я тряпкой ловила рыбу с подружками...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лебедева А.А. 1926 г.р.).

В качестве ткани служила своедельная ткань, дерюжка, шторы или сшитые вещи – становины, рубашки и т.п. Как описывала А.И. Бормотова (1930 г.р.): «Дерюшку возьмешь эту, половичку [самотканую полосу ткани]... Наимашь [рыбы]. И этот мульты [мелузги], так всяку ерунду наимашь» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Бормотова А.И., 1930 г.р.). Об этом вспоминали все «дети войны», «речка была не скажешь, что большая. Ну рыбёшка. Рыба мелканькая. Ну ловили мы её. Я помню как мы ловили Оу такая как какую тряпку и как невод [используешь] и наловишь. Начистишь, наваришь и ели. После войны-то я уже сама ... и щук и налимов ловили всяких» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шевелёва З.И. 1929 г.р.). Целью такого рыболовства в 1930-50-е годы являлось «пропитание на подножном корму». З.И. Сулова использовала свою одежду: «Мы даже платьями рыбачили Платье снимали, да в этот ногишем Гальянчиков пускаешь. Таких наловишь и бежишь домой» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Сулова З.И., 1932 г.р.).

Улов мелкой рыбешки мог тут же готовиться и съедаться. «Рыбу ловили... Вот такая вот маленькая [рыба] на речке [Каменка]. Вот так вот сделаешь, и она здесь соберется, потом почистим здесь же, на речке. Камушки, сковорода, договариваемся, у кого, кто сегодня яйца принесет пожарить, и вот жарили на берегу» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Коровина Е.К., 1937 г.р.). А местом рыбалки становились мелкие водоемы, которые можно было легко переходить в брод. Основными обитателями таких водоемов являлись гальяны, «красноперки», пискари, битюри. Ежедневный промысел на местных речушках не требовал никаких снастей. Чаще всего дети использовали неплотную ткань. «Ой, да рыбачили чем, тогда же шибко не было ниче [еды]. Марлички или чем, марличку-то не найдешь так вот, песконишки небольшие. Вот в этой даже рыбачили, Козлушке!» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Харлова М.Е., 1933 г.р.). В.С. Терещенко так говорила, «ловили – мешковина такая редкая... Ну дырок в ней немного, и вот этой мешковиной, как же забыла, как она называлась, [...] рединка. И вот этой рединкой ловили рыбу. [...]» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Терещенко В.С., 1930 г.р.).

Таким образом, рыболовство, как часть добывающих промысловых практик русского земледельческого населения юга Западной Сибири в период кардинального переустройства деревни в 1930-50-е гг., вошло в систему преодоления трудностей и повседневной адаптации. Можно сделать вывод о том, что при затруднительных условиях жизнедеятельности сибиряков происходит увеличение доли рыболовства в структуре семейной экономики с опорой на «кормящий ландшафт». Новыми тенденциями стало изменение возраста и состава промысловиков из-за посуточной занятости населения трудоспособного возраста в колхозно-совхозном производстве. Тем не менее роль «взрослой рыбалки» в обеспечении белковым рыбным продуктом семьи остается доминирующей, тогда как «детская рыбалка» становится ежедневной практикой пропитания детей в условиях отсутствия опеки со стороны занятого в общественном производстве населения. В 1930-50-е годы, несмотря на «обезмужичивание» деревни, земледельцами чesким воспроизводились традиции рыбной ловли, начиная от самых древних – ловля вручную и ночные ловли на лодках с помощью острог до использования плетенных ловушек-западной (корчаги, мордушки, фитили, верши) и сетевых снастей (неводы, бредни). При этом во взрослой рыбной ловле мало использовались удочки из-за отсутствия свободного времени и малых объемов вылавливаемой рыбы. Объектами ловли взрослых являлись более «мясистые» сорта рыбы – щуки, лини или «дорогой» рыбы – хариусы, налимы, таймени. Тогда как для детской рыбалки было характерно использование самодельных средств, вплоть до своегодельного изготовленного самими сельчанами домашнего холста и одежды, с помощью которых «неводили» в мелких водоемах, а также использование удочек с использованием природных материалов, например, конского волоса вместо лески. Основной добычей становилась мелкая речная рыба – гальяны, пескари.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Алтайская деревня, 2012 – Алтайская деревня в рассказах её жителей / Управление Алтайского края по культуре и архивному делу; науч. ред.: Т.К. Щеглова, Л.М. Дмитриева; под ред. Л.А. Вигандт. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2012. 447 с.
2. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Аксенова З.Н., 1936 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Аксенова Зоя Николаевна 1930 г.р., с. Ельцовка, Ельцовский район
3. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Аношкина П.К., 1926 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Аношкина Прасковья Кириловна, 1926 г.р., пос. Благовещенка, Благовещенский район

4. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Бормотова А.И., 1930 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Бормотова Анна Ивановна, 1930 г. р., с. Усть-Чагырка, Краснощековский район
5. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Васютин И.А., 1928 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Васютин Иван Алексеевич, 1928 г.р., с. Усть-Иша, Красногорский район
6. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Деулин И.К., 1930 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Деулин Иван Карпович, 1930 г.р., с. Ельцовка, Ельцовский район
7. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ерогова А.А., 1938 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Ерогова Аза Андреевна, 1938 г.р., с. Новозыково, Красногорский район
8. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Калаева М.Н., 1931 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Калаева Мария Николаевна, 1931 г.р., пос. Благовещенка, Благовещенский район
9. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Коровина Е.К., 1937 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Коровина Екатерина Крысановна, 1937 г.р., с. Залесово, Залесовский район
10. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Крапчатова Т.Г., 1930 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Крапчатова Таисия Гавриловна, 1930 г.р., с. Красногорское, Красногорский район
11. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лебедева А.А. 1926 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Лебедева Анастасия Андреевна 1926 г.р., с. Залесово, Залесовский район
12. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Подколзин Г.Б., 1935 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Подколзин Геннадий Борисович, 1935 г.р., с. Масляха, Крутихинский район
13. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Рябоконеv И.В., 1934 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Рябоконеv Иван Васильевич, 1934 г.р., с. Красногорское, Красногорский район
14. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Сулова З.И., 1932 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Сулова Зоя Ивановна, 1932 г.р., с. Ельцовка, Ельцовский район
15. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Терещенко В.С., 1930 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Терещенко Валентина Сергеевна, 1930 г.р., с. Ельцовка, Ельцовский район
16. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Харлова М.Е., 1933 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Харлова Мария Егоровна, 1933 г.р., с. Усть-Козлуха, Краснощековский район
17. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шабашова Л.Д., 1935 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Шабашова Любовь Дементьевна, 1935 г.р., с. Верх-Камышенка, Краснощековский район
18. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шарова В.Г., 1935 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Шарова Валентина Геннадьевна, 1935 г.р., с. Ельцовка, Ельцовский район
19. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шевелёва З.И. 1929 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Шевелёва Зоя Ивановна 1929 г.р., с. Ельцовка, Ельцовский район
20. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Яковлева Л.А., 1930 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Яковлева Лилия Анатольевна, 1930 г.р., с. Усть-Кажа, Красногорский район
21. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Борин М.Г., 1940 г.р. – Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Борин Михаил Григорьевич, 1940 г.р., с. Карагайка, Красногорский район,
22. Культура жизнеобеспечения, 1983 – Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этно-культурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э С. Маркарян. Ереван, 1983. 319 с.
23. Сборник воспоминаний – Ельников Александр Тарасович 1930 г. р. // Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
24. Трушкова, 2003 – Трушкова И Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения). Киров, 2003. 722 с.
25. Шелегина, 2001 – Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Вып. 1. Историко-этнографические аспекты XVII – начало XX вв. М.: Логос, 2001. 183 с.; Вып. 2: Социокультурные аспекты. XVII – начало XX. М.: Логос, 2001. 158 с.
26. Щеглова, 2008 – Щеглова Т.К. Депортации и спецпереселения по устным свидетельствам «непрощенных» гостей и «вынужденных» хозяев: изнанка войны// Щеглова, Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 345-373.
27. Щеглова, 2015a – Щеглова Т.К. Локальные социумы советской деревни в годы войны: компаративный подход в изучении культуры жизнеобеспечения // Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: научные и методические материалы. Барнаул: Азбука, 2015. С. 46-51.
28. Щеглова, 2015b – Щеглова Т.К. Собирачество как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941-1945 годов по устным историческим источникам // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 35. С. 174-184.
29. Щеглова, 2018 – Щеглова Т.К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930-1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции : монография. Барнаул: АлтГПУ, 2018. 508 с.

References

- Altajskaya derevnnya, 2012 – Altajskaya derevnnya v rasskazah eyo zhitelej [Altai village in the stories of its inhabitants] / Upravlenie Altajskogo kraya po kul'ture i arhivnomu delu; nauch. red.: T.K. Shcheglova, L.M. Dmitrieva ; pod red. L.A. Vigandt. Barnaul : Altajskij Dom pečati, 2012. 447 s. [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Aksenova Z.N., 1936 g.r. – Arhi CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2016. Aksenova Zoya Nikolaevna 1930 g.r., s. El'covka, El'covskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Anoshkina P.K., 1926 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2015. Anoshkina Praskov'ya Kirilovna, 1926 g.r., pos. Blagoveshchenka, Blagoveshchenskij rajon [In Russian]
- ACUiEH LIK AltGPU, Bormotova A.I., 1930 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2015. Bormotova Anna Ivanovna, 1930 g. r., s. Ust'-CHagyrka, Krasnoshchekovskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Vasyutin I.A., 1928 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2017. Vasyutin Ivan Alekseevich, 1928 g.r., s. Ust'-Isha, Krasnogorskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Deulin I.K., 1930 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2016. Deulin Ivan Karpovich, 1930 g.r., s. El'covka, El'covskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Erogoва A.A., 1938 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2017. Erogoва Aza Andreevna, 1938 g.r., s. Novozykovo, Krasnogorskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Kalaeva M.N., 1931 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2015. Kalaeva Mariya Nikolaevna, 1931 g.r, pos. Blagoveshchenka, Blagoveshchenskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Korovina E.K., 1937 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2016. Korovina Ekaterina Krysanovna, 1937 g.r., s. Zalesovo, Zalesovskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Krapchatova T.G., 1930 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2017. Krapchatova Taisiya Gavrilovna, 1930 g.r., s. Krasnogorskoe, Krasnogorskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Lebedeva A.A. 1926 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2016. Lebedeva Anastasiya Andreevna 1926 g.r., s. Zalesovo, Zalesovskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Podkolzin G.B., 1935 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2016. Podkolzin Gennadij Borisovich, 1935 g.r., s. Maslyaha, Krutihinskij rajon
- ACUiEH LIK AltGPU, Ryabokonev I.V., 1934 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2017. Ryabokonev Ivan Vasil'evich, 1934 g.r., s. Krasnogorskoe, Krasnogorskij rajon [In Russian]
- ACUiEH LIK AltGPU, Suslova Z.I., 1932 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2016. Suslova Zoya Ivanovna, 1932 g.r., s. El'covka, El'covskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Tereshchenko V.S., 1930 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2016. Tereshchenko Valentina Sergeevna, 1930 g.r., s. El'covka, El'covskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, Harlova M.E., 1933 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State

- Pedagogical University]. F. IEHEH, 2015. Harlova Mariya Egorovna, 1933 g.r., s. Ust'-Kozluha, Krasnoshchekovskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, SHabashova L.D., 1935 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2015. SHabashova Lyubov' Dement'evna, 1935 g.r., s. Verh-Kamyshenka, Krasnoshchekovskij rajon [In Russian]
- ACUiEH LIK AltGPU, SHarova V.G., 1935 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2016. SHarova Valentina Gennad'evna, 1935 g.r., s. El'covka, El'covskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, SHEvelyova Z.I. 1929 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2016. SHEvelyova Zoya Ivanovna 1929 g.r., s. El'covka, El'covskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU, YAKovleva L.A., 1930 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2017. YAKovleva Liliya Anatol'evna, 1930 g.r., s. Ust'-Kazha, Krasnogorskij rajon [In Rus]
- ACUiEH LIK AltGPU. Borin M.G., 1940 g.r. – Arhiv CUiEH LIK AltGPU [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEHEH, 2017. Borin Mihail Grigor'evich, 1940 g.r., s. Karagajka, Krasnogorskij rajon [In Rus]
- Kul'tura zhizneobespecheniya, 1983 – Kul'tura zhizneobespecheniya i ehtnos. Opyt ehtno-kul'turologicheskogo issledovaniya (na materialah armyanskoj sel'skoj kul'tury) [Life culture and ethnoscience. The experience of ethno-cultural research (on the materials of the Armenian rural culture)] / otv. red. S.A. Arutyunov, E.H. S. Markaryan. Erevan, 1983. 319 s. [In Rus]
- Sbornik vospominanij – El'nikov Aleksandr Tarasovich 1930 g. r. // Sbornik vospominanij grazhdan Romanovskogo rajona o sobytyyah Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. CH. 1. ZHenshchina i vojna. CH. 2. Deti vojny: rukopis' [Collection of memoirs of citizens of the Romanovsky district about the events of the Great Patriotic War of 1941-1945. Part 1. Woman and war. Part 2. Children of War: a manuscript] // Arhivnyj otdel administracii Romanovskogo rajona Altajskogo kraja. F. R-67. Op.1. D. 47. [In Rus]
- Trushkova, 2003 – Trushkova I. YU. Tradicionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX- nachale XX vv. (sistema zhizneobespecheniya) [Traditional culture of the Russian population of the Vyatka region in the XIX – early XX centuries. (life supporting system)]. Kirov, 2003. 722 s. [In Rus]
- Shelegina, 2001 – Shelegina O. N. Adaptaciya russkogo naseleniya v usloviyah osvoeniya territorii Sibiri. Vyp. 1. Istoriko-ehnograficheskie aspekty XVII- nachalo XX vv. [Adaptation of the Russian population in terms of the development of the territory of Siberia. Issue 1. Historical and ethnographic aspects of the XVII – early XX centuries.] M.: Logos, 2001. 183 s.; Vyp. 2: Sociokul'turnye aspekty. XVII-nachalo XX [Issue 2: Socio-cultural aspects. XVII-the beginning of XX.]. M.: Logos, 2001. 158 s. [In Rus]
- Shcheglova, 2008 – Shcheglova T.K. Deportacii i specpereseleniya po ustnym svidetel'stvam «neproshennyh» gostej i «vynuzhdennyh» hozyaev: iznanka vojny [Deportations and special relocations according to oral testimonies of "uninvited" guests and "forced" owners: the inside of the war]// Shcheglova, T.K. Derevnja i krest'yanstvo Altajskogo kraja v XX veke. Ustnaya istoriya monografiya. Barnaul: BGPU, 2008. S. 345-373. [In Rus]
- Shcheglova, 2015a - Shcheglova T.K. Lokal'nye sociumy sovetskoj derevni v gody vojny: komparativnyj podhod v izuchenii kul'tury zhizneobespecheniya [Local societies of the Soviet countryside during the war: a comparative approach to the study of a culture of livelihood] // EHtnografiya russkogo krest'yanstva yuga Zapadnoj Sibiri v XX stoletii: kul'tura zhizneobespecheniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: nauchnye i metodicheskie materialy. Barnaul: Azbuka, 2015. S. 46-51. [In Rus]
- Shcheglova, 2015b – Shcheglova T.K. Sobiratel'stvo kak strategiya vyzhivaniya i ehlement sistemy zhizneobespecheniya sibirskoj tylovoj derevni v povsednevnyh praktikah voennogo vremeni 1941-1945 godov po ustnym istoricheskim istochnikam [Gathering as a strategy for survival and an element of the life support system of the Siberian rear village in everyday wartime practices of 1941-1945, according to oral historical sources] // Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal. 2015. № 35. S. 174-184. [In Rus]
- Shcheglova, 2018 – Shcheglova T.K. Kul'tura i byt russkogo sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoj Sibiri v 1930-1950-h gg.: zhilishche, pishcha, odezhda, semejnje i trudovye tradicii: monografiya [The culture and life of the Russian rural population in the south of Western Siberia in the 1930-1950s: housing, food, clothing, family and work traditions: monograph]. Barnaul: AltGPU, 2018. 508 s. [In Rus]